

«Аах ~, ах!»

Два тела были сплетены вместе, кроме звуков частого и тяжелого дыхания, человек, прижатый к кровати, время от времени издавал безудержные стоны.

Цзин Яну не должны были быть знакомы подобные чувства, но отчего то, погрузившись с головой в удовольствие, ему снова и снова казалось, что он знаком с этим чувством. Некоторые сцены, подобные этим, внезапно появились в его голове, отвлекая его, он не знал было ли это реальностью или воображением.

Цзин Ян, полностью обессиливший, лежал на кровати на животе. Очевидно, что тот, кто прикладывал усилия, был не он, так почему тогда он так устал? Чжао Бочэн прижался к нему, целуя его спину.

Повернувшись, Цзин Ян приподнял плечо и посмотрел ему в лицо. Его (ЧБ) глаза всегда казались ему знакомыми. Во время беспорядочных мыслей и безумной страсти он чувствовал, что даже их были связаны вместе, и, кроме того, эти две души были знакомы друг с другом в течение длительного времени. Это был тот тип знакомства, когда даже простое прикосновение заставляло их сердца дрожать, точно такое же чувство он получил от нефрита, который дал ему Аид.

Прямо сейчас он начинал понимать, что возможно, с самого начала, знакомыми ему казались не глаза, а душа, которую он мог чувствовать, смотря в эти глаза. Возможно, существует вероятность того, что на самом деле не только он один пришел в этот мир.

«О чем ты думаешь?» Чжао Бочэн поцеловал его глаза.

Цзин Ян прикрыл глаза. «Я думаю, зачем нам развивать такие отношения и как долго эти отношения можно поддерживать».

«Я очень счастлив».

«Счастлив от чего?» Цзин Ян с сомнением посмотрел на него.

«Мы только начали, но ты уже думаешь о будущем. Разве это не значит, что ты заботаешься обо мне?» Чжао Бочэн улыбнулся.

Цзин Ян хотел опровергнуть его, но не он хотел говорить какие-то ложные слова прямо сейчас. «Я не знаю, я никогда никого не любил, поэтому я не знаю, как определить чувства, которые я испытываю к тебе».

«Таким образом, мне очень повезло. Даже если прямо сейчас ты все еще не знаешь, что значит любить кого-то, я определенно стану первым человеком, которого ты полюбишь. Для меня все эти слова обещаний не имеют большого значения, только время может раскрыть правду и доказать что-то».

Цзин Ян не мог сейчас определить свои чувства к нему, а также не имел возможности подтвердить свое предположение в короткие сроки, поэтому он решил действовать так, как сказал Чжао Бочэн, и позволить времени раскрыть все.

Соединение физического тела могло позволить его духу и душе ощутить несравненное счастье, и Цзин Ян, прошедший больше чем тысячу миров, открыл это только сейчас.

В прошлом люди, которые преследовали его, никогда не получали от него ответа не потому, что он был против случайных связей и одноразовых встреч, а потому что даже просто думая о них в одной с ним постели, он чувствовал себя некомфортно. Если бы он действительно сошелся с кем то из них то, это было все равно, что помочь кому-то чего-то добиться, но при этом чувствовать тошноту и неловкость (п/п: я не могу понять как перевести этот кусок нормально (□ □ □)). После чего, он всю свою жизнь продолжал бы жить с чувством тошноты, поэтому он никогда не делал этого.

Но теперь он не только прижимался обнаженным телом к Чжао Бочэну, но и целовал его тело повсюду, и снова и снова соединятся с ним. Удивительным было то, что это заставляло его тело и сердце чувствовать себя чрезвычайно счастливыми.

~

К середине следующего дня два они наконец встали с постели. Цзин Ян поддерживал свою ноющую талию и чувствовал, что эта боль была следствием того, что он был не опытен и все что он мог это раз за разом оказываться захваченным Чжао Бочэном, не имея совершенно никакой возможности сопротивляться. Ради своего тела, в будущем он определенно не мог позволить себе столько разврата.

Чжао Бочэн обнял Цзин Яна, сидящего на диване. «Я помогу тебе вернуть родную резиденцию семьи Лу, если позволить им продолжать жить там, твое сердце определенно будет чувствовать себя дискомфортно».

«В этом нет необходимости, я приглашу адвокатов прийти к ним и дать 5 дней на переезд. В противном случае я пойду прямо в суд, чтобы выгнать их». Его первоначальный план состоял в том, чтобы сначала убрать Цянь Сяна, лишить Чжэн Цзюньмина всей власти и влияния, а затем воздать по заслугам этим отцу и сыну, и, в конце концов, вернуть все, что принадлежало семье Лу.

Он совершенно не ожидал, что между ним и Чжао Бочэном возникнут отношения, поэтому последовательность его плана была изменена. Он также хотел посмотреть, в какой степени Чжао Бочэн будет готов ему помочь.

Адвокат отправился в особняк Лу, чтобы сообщить Чжэн Цзяньлиню, что их семья должна переехать в течение 5 дней, и был изгнан ревом и проклятиями Чжэн Цзяньлина. Он прожил в этом доме так много лет, он так долго считал его своим имуществом, что даже если сейчас эта собственность принадлежала Лу Цзиньюю, по его мнению, не было никаких оснований для того, чтобы сын прогонял своего отца из дома. Если бы Лу Цзиньюй действительно сделал что-то подобное, он был бы позорным мусором.

Цзин Ян, очевидно, не беспокоился о том, что думает Чжэн Цзяньлинь, а также не заботился о том, что думают другие. По истечении пяти дней он привел адвокатов и телохранителей обратно в дом Лу, и перед их лицами спросил у трех человек, которые продолжали жить в резиденции Лу, покинут ли они дом сами, или он позволит телохранителям «проводить» их.

«Лу Цзиньюй! Я жил в этом доме в течение нескольких десятилетий, по какой причине ты меня выгоняешь? »Чжэн Цзяньлинь допрашивал Цзин Яна с лицом, полностью покрасневшим от гнева, он действительно не думал, что тот действительно приведет людей, чтобы выгнать его.

«Только если ты не намеренно притворяешься глупым, тебе должно быть совершенно ясно, кто обладает всеми правами на эту собственность. Это родовая резиденция семьи Лу, я - человек

из семьи Лу, но я не могу жить в ней, а эта семья Чжэн живет здесь. Неважно, посмотрим ли мы на это с юридической точки зрения или с этической точки зрения, это не будет правильным». Цзин Ян сидел на диване в холле, смотря на них, за его спиной стояли пять адвокатов и двадцать телохранителей, которые были готовы в любой момент «пригласить» их переехать.

«Хочешь поговорить начистоту, да? Тогда сегодня я буду говорить с тобой ясно, я твой отец, я дал тебе жизнь, а теперь ты действительно хочешь выгнать меня из дома, неужели ты не боишься возмездия? - взревел Чжэн Цзяньлинь,

«Возмездие? Ты говоришь о возмездии мне?» Цзин Ян с удивлением посмотрел на него и начал смеяться, как будто он услышал какую-то особенно забавную шутку. «Услышать слово «возмездие» из твоего рта, действительно забавно, ах, я действительно не думал, что ты на самом деле все еще веришь в возмездие».

Когда Цзин Ян достаточно насмеялся, он встал и посмотрел на него холодными глазами. «Так и что, если ты мой биологический отец? Это был ты тот, кто носил меня в утробе в течение десяти месяцев, а потом родил меня маме? С тех пор, как я был маленьким, ты хоть когда-нибудь воспитывал меня? Наставлял ли ты меня когда-нибудь? Вся твоя отцовская любовь была передана Чжэн Цзюньмину, ты когда-нибудь дарили мне ее? Ты когда-нибудь давал мне хорошее лицо? Ты когда-нибудь чувствовать хоть каплю отцовской ответственности за меня? От начала до конца, ты никогда не относился ко мне как к биологическому сыну, но ты все еще хочешь, чтобы я почитал тебя как моего отца, только семья Чжэн может иметь такое правило. Но извините, меня зовут Лу, а не Чжэн, и для меня это действительно счастье».

«Я скажу тебе вот еще что, Чжэн Цзяньлинь». Цзин Ян сделал несколько шагов к нему. «Не думай ошибочно, что, только из-за того, что у нас кровные отношения, ты сможешь избежать ответственности за все, что ты сделал с семьей Лу и со мной. Сегодня я выгоню вас троих, и это будет началом возмездия для семьи Чжэн, и уж точно на это все не закончится».

Телохранители подошли, чтобы выгнать трех людей, Чжэн Цзяньлинь боролся и кричал. «Лу Цзиньюй, ты - скотина, ты выгоняешь своего собственного биологического отца, это для тебя добром не кончится...»

«Отпусти меня, отпусти меня!» Сунь Цирун, была вытащена телохранителем и потеряла свои высокие каблуки, громко крича: «Это наш дом, вы не имеете права выгонять нас, отпустите меня, это мой дом!»

Чжэн Цзюньмин ни разу не издал ни звука от начала и до конца, он только гневным взглядом смотрел на Цзин Яна.

Несколько репортеров, дежуривших снаружи, вдруг увидели, что телохранители вышвырнули этих троих, и немедленно бросились фотографировать. После того, как телохранители выгнали людей, в соответствии с приказом Цзин Яна, они выбросили имущество этих трех наружу одно за другим.

«Мои драгоценности, мои сумки!» Сунь Цирун ползала по земле, чтобы собрать все свои украшения, без какой либо капли ее обычно внешности женщины высшего класса.

«Мама, вставай». Чжэн Цзюньмин почувствовал, что его мать действительно потеряла слишком много лица, он поднял ее и помог ей собрать все ее украшения в чемодан.

«Вы все смотрите, смотрите!» Эмоционально сказал Чжэн Цзяньлинь журналистам, которые

фотографировали. «Этот Лу Цзиньюй на самом деле мусор, он даже выгнал своего биологического отца, у него вообще есть совесть? Он просто животное, вы записываете, записываете! Пусть все знают, что он за мусор! »

Три человека долгое время оставались перед входом в дом семьи Лу, и многие репортеры, которые получили новости, окружили их, делая фотографии и снимая видео. Чжэн Цзяньлинь проливал слезы, сердито называя Лу Цзиньюя ни на что не годным, он горько работал для семьи Лу на протяжении многих лет, он не мог и подумать, что будет день, когда он будет изгнан его собственным сыном ...

Чжэн Цзюньмин помог матери и встал рядом, мать и сын, казалось, переживали горе.

Три человека отыгрывали пьесу, пока сами не почувствовали усталость. Чжэн Цзяньлинь видел, что он так долго ругал его, Цзин Ян до сих пор не вышел, чтобы кричать на него в ответ или звать его обратно. У него действительно не было сил, продолжать кричать проклятия, и, наконец, он повел жену и сына покинуть это место.

Об этой сцене, похожей на театральную пьесу о семейной этике, журналисты сделали очень длинный репортаж, но СМИ не судили и не принимали какую-либо точку зрения. В конце концов, были ли виновны отец и сын семьи Чжэн в том, что захватили семью Лу, или же Лу Цзиньюй в том, что выгнал своего родного отца из дома, решение было оставлено зрителям и читателям.

И на самом деле, прежде чем СМИ увидят, кого в большей степени поддерживает общественность, они не хотели оскорблять общественность руганью, поэтому они ждали, пока публика не ознакомится с конфликтом и не решит, какую сторону поддержать.

После сообщений СМИ общественное мнение не склонялось полностью к какой-либо стороне, некоторые люди полагали, что, если вы, Чжэн Цзяньлинь, уже вступили в повторный брак, но все равно привели свою жену и ребенка жить в чужой семье Лу, то это никоим образом не может быть оправдано. В семье Лу было так много ресторанов, которые теперь контролируются вами, количество недвижимости в ваших руках определенно не маленькое, невозможно, чтобы вам было негде жить. Так к чему продолжать жить в родовой резиденции семьи Лу, и отказываться покидать ее? В конце концов, ваши намерения явны.

Были также и те, чье мышление было более устаревшим, а также те, кто с самого начала уже предпочитал семью Чжэн, и считал, что сын, прогоняющий своего отца, это позорно, и ему не хватает человечности.

На то, как другие люди видели его действия, Цзин Ян совершенно не обращал внимания, как и прежде, он делал то, что должен был делать. Он выбросил этих трех человек из дома семьи Лу, и наконец, немного помог Лу Цзиньюю, и от его имени решил некоторые из вопросов, которые он хотел решить, но так и не смог.

<http://bllate.org/book/13315/1184068>